

Заходящее солнце разливалось по небу, окрашивая вечерние облака, словно на картине. Янтарные лучи падали на окно, освещая профиль Чао Юня и покрывая его лицо ослепительным сиянием.

Высокая переносица преграждала путь солнечному свету, из-за чего другая половина лица казалась разгоряченной. Чао Юнь расстегнул пару верхних пуговиц на воротнике рубашки.

Он слышал, как Чэнь Цзюньань отвечал на вопрос. Голос одноклассника звучал с той особой юношеской чистотой, свойственной их возрасту. Четкий, плавный, с меланхоличным и спокойным оттенком.

Класс был вытянут с юга на север, и они сидели по разные стороны. Раньше они обменивались лишь короткими кивками при встрече, но сегодня Чао Юнь вдруг поймал себя на мысли, что голос этого парня, с которым он почти не разговаривал, звучит очень приятно.

Они учились на подготовительном отделении университета, куда попали после окончания старшей школы. Царила суeta и жесткая конкуренция: подготовительные курсы были своего рода вторым отбором после государственных экзаменов, и итоговый результат зависел от успеваемости на занятиях в сочетании с баллами за ЕГЭ.

Расписание становилось всё плотнее, а школьная дисциплина — всё строже.

Во время утреннего чтения Чао Юнь, будучи старостой, стоял на посту у входа в класс, карауля тех, кто вечно опаздывал. Ученики их профильного класса были весьма прилежны, и гул от голосов, читающих учебники, стоял такой, что у Чао Юня начинала болеть голова.

— Почему опоздал? Пиши свое имя, — потребовал он.

— Староста, автобус задержался, я ничего не мог поделать. Можно не писать? — это был один из парней, с которыми он часто гонял в баскетбол.

Чао Юнь с улыбкой протянул ему бумагу и ручку:

— Это требование классного руководителя, я ничего не могу поделать. Посмотри на меня: с самого утра ничего не ел, стою тут, никуда не отхожу, скоро, наверное, гипогликемия начнется. Всё по приказу нашего классного.

— И что теперь, будут серьезные последствия?

— Максимум — пожурят немного. Опоздание автобуса — не твоя вина, классный не такой уж самодур.

В последнее время проблема с опозданиями стала слишком острой, что сильно злило их учителя, который помешался на дисциплине в классе. Он заставил Чао Юня устроить провинившимся взбучку. Вот и выходило, что вся грязная работа по порче отношений с одноклассниками доставалась ему.

— Опоздал — пиши имя и причину сам, классный будет проверять.

— Ну всё, приехали! Первый раз опоздал, и надо же было попасть именно на проверку. Вот уж не повезло так не повезло, — ныл кто-то в дверях.

— Не сделал тест, не разобрал ошибки, теперь еще и опоздал — кажется, сегодня мой день поминовения!

Ученики в дверях голосили, а те, кто сидел внутри, с любопытством наблюдали за представлением, злорадствуя.

Прошло уже пять минут, в списке значилось шесть фамилий. Чао Юнь, вставший ни свет ни заря, зевал во весь рот, опираясь о дверной косяк.

Но когда он увидел Чэнь Цзюньяня в школьной форме, под которой проглядывала тонкая черная футболка, он сразу встрепенулся.

— Опоздал. Пиши имя и причину, — скомандовал Чао Юнь.

Он украдкой разглядывал внешность Чэнь Цзюньяня: узкие веки, длинный разрез глаз, напоминающий ивовый лист. Правая бровь с «изломом», тонкие бледно-розовые губы. Красивое, острое, холодное и безразличное лицо.

Взглянув на его почерк, Чао Юнь удивился: красивый, аккуратный уставной шрифт, который так выгодно выделялся на фоне остальных каракулей.

А вот когда он прочитал причину — устал, к тому же на душе беспокойно — Чао Юнь опешил. С такой причиной он точно схлопочет нагоняй.

— Может, зачеркнешь и перепишешь? Брат, ты слишком уж честный.

Чэнь Цзюньянь проигнорировал его совет, не собираясь заводить с ним приятельские отношения, и даже не поднял глаз. Он молча вернул бумагу и ручку.

— Осень наступила, не холодно в одной футболке? — Чао Юнь не стал брать вещи, пытаясь завязать разговор.

— ...Нормально.

Чэнь Цзюньань бросил эту фразу и поджал губы.

Но Чао Юнь, с малых лет умевший разбираться в людях, с первого взгляда понял: за этим спокойствием скрывается раздражение и холод. Тот не хотел с ним дружить и вообще не желал обращать на него внимания.

Такое отношение разозлило Чао Юня. Он молча забрал бумагу и ручку, обогнал Чэнь Цзюньаня, направляясь в класс, и вернулся на свое место.

Чэнь Цзюньань, страдающий от головокружения и заложенности носа, подумал, что староста, кажется, разозлился, но тут же решил, что это, должно быть, ошибка.

Вернувшись на место, Чао Юнь смотрел на худощавые, крепкие плечи Чэнь Цзюньаня, небрежно закинувшего черный рюкзак, и бросил еще один взгляд на список опоздавших. На душе у него было досадно: неужели этот Чэнь Цзюньань такой высокомерный и вообще ни с кем не желает общаться?

— Чао Юнь, у Чэнь Цзюньаня и правда странный характер, он неразговорчив и никого не замечает. У него почти нет друзей, не расстраивайся, — к нему подкатил Лу Гао, пытаясь задобрить.

— Мне надо учиться, не мешай мне.

Чао Юнь выдавил из себя эту фразу, про себя решив, что еще посмотрит, насколько странный этот характер.

— Чао Юнь, мы тут после обеда на физкультуре решили в баскетбол сыграть. Попотеть, показать себя.

Урок еще не успел начаться, как его сосед по парте Ци Сяолун уже начал собирать компанию.

Сердце Чао Юня екнуло:

— Позови Чэнь Цзюньаня, спроси, не хочет ли он с нами.

— Зачем... Я, честно говоря, немного его побаиваюсь.

— Да что тут такого? У меня тут вышло небольшое недопонимание с ним, надо же как-то сгладить углы, наладить отношения.

Заметив краем глаза, что идет классный, Чао Юнь сделал жест рукой. Ци Сяолун, глядя в книгу, пробормотал:

— Неужели на свете есть человек, который может поссориться с Чао Юнем...

От этой мысли он стал бояться Чэнь Цзюньяня еще больше.

Получив список, классный руководитель поочередно вызвал опоздавших в кабинет для нотации, едва не сорвав начало урока.

Чао Юнь, посасывая пакетик молока, с интересом наблюдал за лицами проштрафившихся, когда они возвращались. Сделав глоток теплой воды, а затем молока, он заметил, что Чэнь Цзюньянь зашел в класс последним.

Наверное, его здорово отчитали — нечего из себя строить непонятно что. Сейчас критический период для подготовительного отделения, и после окончания экзаменов все невольно расслабились. В то же время Чао Юнь заметил, что Чэнь Цзюньянь слегка придерживает рукой желудок, и подумал, что парень-то на самом деле довольно жалкий. Если бы он вел себя приветливее и захотел подружиться, возможно, второй пакетик молока со вкусом шоколада в столе Чао Юня уже стал бы его завтраком.

— Скажи, почему Чэнь Цзюньянь такой отчужденный, у него вообще нет друзей?

Ци Сяолун, занятый конспектами, остановил перо и проговорил:

— Да что у вас там с ним стряслось? Ты уже который раз заводишь эту шарманку. Ты же с ним даже не знаком толком?

Чао Юнь ответил с невозмутимым видом:

— Спросить нельзя?

— Можно, конечно. Кто сказал, что у Чэнь Цзюньяня нет друзей? Его соседка по парте Гу Синьюань и тот, кто сидит сзади, Цзи Юй — они его близкие друзья.

Услышав это, Чао Юнь невольно посмотрел на Чэнь Цзюньяня. Тот и правда о чем-то весело болтал с Гу Синьюань.

— Мне Лу Гао сказал, что у него странный характер и никого нет.

— Так Лу Гао с ним в прошлом году подрался. Ты тогда еще не перевелся, не знаешь. Впрочем,

Чэнь Цзюньань и правда не самый простой в общении человек, немного холодноват.

Может, он сам слишком чувствителен? Вероятно, это из-за стресса в учебе. Человек вовсе не обязательно считает его назойливым.

— Как думаешь, я ему неприятен?

Ци Сяолун, и без того встревоженный, услышав снова это имя — Чэнь Цзюньань, почувствовал, что просто не в силах это выносить.

— Что у вас утром произошло? Ты уже раз двадцать про него спросил, сколько можно?

Чао Юнь ответил:

— Я к нему утром обратился, а он проигнорировал. Ну, я и ушел с недовольным лицом.

Выслушав историю, Ци Сяолун выдал лишь:

— И это всё?

<http://bllate.org/book/21866/2269662>